

Вымышленная река Каяла

К походу Новгородсеверского князя Игоря Святославича на половцев

*Великих тайн, загадок древних
хранит история немало
И неразгаданным осталось
Где войско Игоря сражалось
И где текла река Каяла*

Древнерусский город Новгород-Северский – центр небольшого удельного княжества входившего территориально в состав Черниговских земель возможно так и остался бы ничем непримечательным удельным городком, если бы не произошли события ставшие знаковыми для Руси конца XII в. До сих пор они вызывают живой интерес у исследователей, их нельзя считать полностью разгаданными. Пожалуй ни одно историческое событие древнерусской истории не собрало такую огромную библиотеку научных и научно – популярных публикаций как исследования в области изучения обстоятельств похода Новгородсеверского князя Игоря Святославича на половцев весной 1185г. и его поэтического описания «Слова о полку Игореве» (далее «СПИ»). Известные ученые и мало кому известные краеведы – любители пытались разыскать места сражений Игоря с половцами, определить где текла загадочная река Каяла. Более пятидесяти версий появилось в результате поисков. Упоминание в Ипатьевской летописи рек Донца, Оскола, в Лаврентьевской Дона, сохранивших свои названия до настоящего времени легло в основу большинства версий исследователей Игоревы похода. Так известны варианты:

- 1) Нижнедонской (Карамзин, Семёнов, Семёнов-Тяньшанский);
- 2) Среднеднепровский (Бутков, Броневский, Ваденюк, Кудряшев, Сибилёв, Гетманец);
- 3) Верхнедонской (Беляев, Поливанов);
- 4) Орельский (Аристов, Багалея, Фёдоров, Корж);
- 5) Самарский (Лонгвинов, Рыбаков);
- 6) Верхнеднепровский (Иванов, Андриевский, Гойгел - Сокол, Пядышев, Беликов);
- 7) Нижнеднепровский (Афанасьев, Глухов, Стеллецкий).

Как видим исследователи учитывая летописные сообщения упоминавшие известные науке речные объекты, размещали места сражений вблизи этих рек, учитывая при этом и предполагаемый характер похода от обычного набега на ближайшие к границам Руси кочевья половцев вплоть до грандиозной военной акции, направленной в глубь половецких земель, на захват Тмутаракани.

Среди многообразия версий одной из наиболее обоснованной можно считать Орельский вариант, к которому примыкаем и мы. Известно, что на Орели часто происходили столкновения русских с половцами. С древних времён известен «половецкий вал» тянувшийся вдоль Орели. Именно по Орели определя-

лись русско-половецкие границы до впадения в неё р.Берестовая и далее в северо-восточном направлении по Берестовой проходили по направлению к р.Сев. Донец, где фиксируется крайняя точка русских земель пограничное городище у с.Гайдары и далее в северо-восточном направлении границы уходили к р.Оскол в районе современного с.Волоконовка.

Из летописей нам ясен только порядок развертывания событий, чего уже не скажешь о хронологии похода, т.к. в них проставлены различные даты начала похода и нет даты его окончания. Большинство исследователей считают наиболее вероятной датой начала похода 23 апреля, вторник. Но она фиксируется только в Ипатьевском списке в то же время как в Хлебниковском и Погодинском списках, близким по чтению Ипатьевскому, списку Яроцкого, Ермолаевском, Густинской летописи, «Кройнике о Руси» Феодосия Софоновича, «Истории Российской» В.Н.Татищева имевшего в своём распоряжении древние летописные источники зафиксирована дата 13 апреля. Уже то, что эта дата фиксируется большинством летописных источников позволяет нам считать её наиболее вероятной. Но исходя из порядка развития событий описанных Хлебниковским и Погодинским спискам Игорь на пути к Осколу прибыл к Донцу, где застало его солнечное затмение только на...19-ый день похода! Выходит его конница преодолевала не более 17 км. в день! Не слишком ли мала скорость для собравшихся в поход? Такая скорость мала даже для пешего войска не говоря уже о конном. Казалось бы полная нестыковка дат выхода из Новгород-Северска и прихода к Донцу во время солнечного затмения 1 мая, единственной даты не вызывающей сомнений. Но не стоит забывать, что летописи неоднократно редактировались, не является исключением и Ипатьевская и ей подобные. То, что они носят характер летописного свода, отражая как сведения Киевские, так Черниговские и Переяславские уже подразумевает работу редактора. Известный исследователь похода Игоря Б.И.Яценко считающий что Игорь потерпел поражение ещё до солнечного затмения 28 апреля предполагает что солнечное затмение было введено в летопись с целью оправдать поражение русских неблагоприятной ситуацией сложившейся на момент похода. Отдавая должное его версии мы всё же считаем, что войско Игоря было разгромлено в половецкой степи 5 мая 1185 г., а в летописи фиксируется намеренная перегруппировка событий, произошедших хронологически позже уже при переходе Игорем Дон-

ца в районе совр. г. Змиёва 1 мая 1185 г. В этом случае интересно провести с текстом летописи небольшой эксперимент, изъясв описание солнечного затмения.

1) Летописный текст

«И тако идяхуть тихо собираючи дружину свою бяхуть бо и у них кони тучни велми идущим же им к Донцю реки в год вечерний Игорь же возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц... перебрете Донець и тако приида ко Осколу...»

2) Без описания солнечного затмения

«И тако идяхуть тихо собираючи дружину свою бяхуть бо и у них кони тучни велми и тако приида ко Осколу».

Как можно заметить наш вариант более логичен как медленно шло войско, так же медленно пришло к Осколу. А вот о летописном варианте этого уже не скажешь.

Посудите сами. Здесь употребляется наречие «так», так, таким образом, не какнибудь иначе (словарь рус. яз. С.И. Ожегов, М., 1960 ГИИиНС). Что же получается в этом случае:

1) Игорь так, не какнибудь иначе согласно логике летописного изложения переходит Донец во время солнечного затмения и «так» приида ко Осколу», т.е. с концом затмения.

Расстояние от Донца до Оскола не менее 60 км., а южнее Белгорода русло Донца отклоняется от Оскола вправо и расстояние между реками возрастает до 120 км. На преодоление этого расстояния Игорю понадобилось бы 1,5 - 2 дня. Выходит что по летописному описанию и солнечное затмение длилось... 1,5 - 2 дня! Но это невероятно, так как весь цикл затмения длится не более 1,5-2 часов!

Не правда ли довольно нелогично выглядит летописный текст!

Но возможна и другая ситуация.

2) В Древней Руси знали сколько длится затмение солнца - «яко на час и боле», но в этом случае возникает не менее нелепая ситуация - Игорь с войском во время затмения переходит Донец и «так» приходит к Осколу, но при этом преодолевая расстояние между реками составляющее 60 км., а если предположить что Донец был перейден южнее Белгорода, то расстояние между Донцом и Осколом составляющее 120 км., Игорь преодолевает за... 1,5-2 часа!

На этом примере мы можем сделать предположение, что солнечное затмение действительно может являться более поздней вставкой или перестановкой летописных событий произошедших хронологически позже, разрывая логическое построение летописного повествования.

Но тогда где же должно было стоять сообщение о солнечном затмении? Мы предполагаем, после слов «поидоша к Салнице». Одно сообщение о ином пути Всеволода разделяет летописный текст, но как в этом случае меняется хронология похода!

Не менее интересно рассмотреть и летописное сообщение относительно иного пути Всеволода на встречу

с Игорем, т. к. это может существенно уточнить маршруты Игоря и Всеволода на начальном этапе похода. Мы предлагаем несколько иные чтения летописных источников, отличные от общепринятых, позволяющие несколько по-иному взглянуть на некоторые моменты Игоря похода. Что же летопись повествует нам о дальнейшем продолжении похода Игоря после прибытия его к Осколу? Итак Игорь «жда два дни брата своего Всеволода тот бьяше шел инем путем ис Курьска и оттуда поидоша к Салнице». Общепринятым считается что Игорь дождался Всеволода именно на Осколе, но исходя из летописного текста нельзя безоговорочно утверждать что Игорь дождался брата именно на Осколе. Ведь сразу возникает закономерный вопрос, почему летописец акцентирует внимание на ином пути Всеволода именно из Курска? Из той же летописи мы узнаём что Всеволод был князем Трубчевским и его путь должен был начаться из Трубчевска. Почему же иной путь его начался из Курска? Иной путь Всеволода заставлял некоторых ис-лей направлять войско Игоря на Муравский шлях пролегалый по землям Переяславщины. Но мог ли Игорь двигаться этим путём после тяжелейшей распри с Владимиром Переяславским произошедшей во время общекняжеского похода на половцев в 1184 г.? Открытое движение Муравским шляхом невозможно было по следующим причинам:

1) Игорь отправляясь в поход втайне от Святослава идя по землям Переяславщины выдавал свои замыслы, Владимир мог сообщить Святославу в Киев о движении войск своего врага по землям Переяславского княжества;

2) Игорь должен был заранее для прохождения своего войска по землям Переяславщины получить разрешение у Владимира Переяславского, но трудно даже мысль допустить что Владимир разрешил бы Игорю пройти по своим землям;

3) Движение по землям Переяславщины могло быть расценено Владимиром как военное вторжение, что могло привести к военному конфликту между двумя княжествами;

4) Владимир узнав, что Игорь отправился в поход мог напасть на Новгородсеверское княжество оставшееся без защиты.

По-этому Игорь отправляясь в поход должен был максимально засекретить свои планы, идя по землям наиболее удалённым от Переяславщины. Немало исследователей учитывая фактор скрытности направляло войско Игоря Бакаевым путём, где Игорь мог чувствовать себя в безопасности, собирая по пути войско по северянским городкам и обходиться без лишних переправ, тем более минув на пути к Осколу Донец в его верховьях. Мы осмелимся утверждать, что путь Игоря из Новгородсеверска к Осколу мог пролегать через... КУРСК! Читатель знакомый с исследованиями в области Игоря похода уверенно возразит, какой же здесь иной путь Всеволода, ведь в этом случае пути князей вообще совпадают! Но не будем торопиться с выводами. Ведь сообщение летописи о ином пути Все-

волода построено таким образом, что создаётся полное впечатление о пути через Курск и Игоря пошедшего далее на Оскол, где он ждал Всеволода. В этом случае Курск выступает как промежуточный пункт предполагаемой встречи обеих князей, но в этом случае Игорю идущему по правобережью Сейма надо было иметь огромное желание переходить Донец находящийся порядка 100 км. к югу, да ещё и подгадать с солнечным затмением! Что же касается иного пути Всеволода у нас есть основания утверждать, что Трубчевский князь, вероятно опаздывающий на встречу с Игорем пошел именно другим путём из Курска к Сальнице, вероятнее всего Муравским шляхом. В Ипатьевской летописи относительно иного пути Всеволода применяется слово «баше», которое в древнерусском языке относилось к системе глагольных форм обозначающих незавершенное прошедшее действие и известно под именем имперфекта. Вполне возможно, что здесь мы можем видеть применение глагольной формы и в виде перфекта с причастием на «ль» - «баше шел» для образования сослагательного наклонения - глагольной формы выражающей предположительность, условность действия согласно Словарю Древнерусского Языка (XI - XIV в.в. АН СССР, М., из-во «Р.Я.» 1988 г. , Г.И. Аванесов) в котором приводится пример из Ипатьевской летописи о встрече Игоря со сторожами, которые были посланы с целью поимки языка, но задание не выполнили принеся совсем другие известия, о чём мы более подробно остановимся ниже. Применение в летописи имперфекта или перфекта может указывать в данном случае на незавершенное запланированное действие на начальном этапе похода – братья так и не встретились на Осколе как предполагалось ранее. Всеволод опаздывая к назначенному сроку не пошел к Осколу, где его ждал Игорь, а из Курска прямым путём вышел на Муравский шлях в верховьях р.Уды. Реплика летописца «и оттуда поидоша к Сальнице» в глагольной форме аориста обозначающего прошедшее действие совершенного вида, т. е. действия законченного на определённом этапе может быть отнесена в равной степени к обоим братьям идущим к ней разными путями - Игорю идущему по Изюмской сакме и Всеволоду идущему Муравским шляхом, пришедшему к Сальнице даже раньше Игоря. Ведь приставка - по обозначала не только начало движения, но и распространение какого- действия по поверхности чего-либо, отрезка действия во времени, имеющего начальную и конечную границу (П.С.Кузнецов. историческая грамматика русского языка морфология из-ва Московского университета 1953 г.). Именно на Сальнице встретились братья. Это позволяет нам считать Сальницу не просто рекой с которой начался ночной переход русичей к половецким вежам, а рекой вблизи которой был назначен основной сбор войск. На то, что Сальница являлась порубежной рекой находившейся на крайних юго - восточных рубежах Переяславского княжества может указывать сообщение Лаврентьевской летописи “и сняшася (встре-

тившись) у Переяславля... и внидоша в землю ихъ (половцев)». Несколько иные прочтения летописи мы предлагаем относительно встречи Игоря с разведкой посланной для поимки языка «ту же к ним сторожеви приехаша ихже бяхуть послале языка ловить и рекоша приехавше видихомся с ратными ратници ваши (наши) соз доспехом ездять да или поедете борзо или возвратися домовь яко не наше есть веремя Игорь же рече с братьею своею оже ны (Х. П. як же нам) будет не бившиися возвратися (Х.П. не бившеся с ними возвратися домовь то сором ны будет пуще смерти)». Довольно неопределенно летописные источники указывают кого же всё-таки имел ввиду Игорь под словом с ними, своих противников половцев или же готовое к выступлению войско своего брата Всеволода. О каких же ратниках поведали Игорю сторожа, ставя перед ним дилемму предлагая или ехать дальше или возвращаться домой? Исследователи похода предлагали различные решения относительно этих загадочных ратников. Так Б.А.Рыбаков видел в них противников русичей - половцев, но почему в летописи они наши? Известный ис-ль Игоря похода историк и писатель А. Л. Никитин, автор версии о свадебной поездке за Кончаковной вполне резонно отмечавший, что половцы постоянно ездили с доспехами видел в наших ратниках пограничный разъезд Новгородсеверского княжества. Но мог ли Владимир Переяславский после жесточайшей распри с Игорем доверить охрану Переяславских границ северянам, да и Игорь вряд ли послал бы представителей своего кн-ва на охрану границ враждебного князя, но и сами задачи по охране границ уже подразумевают постоянную езду в доспехах. Но тогда кто же всё таки эти загадочные наши ратники? Ни кто иные как разведывательный разъезд Всеволодова войска, которых видели сторожа Игоря и даже разговаривали с ними. Ведь по нашей версии Всеволод пришел раньше Игоря к Сальнице и его войско уже успело облачиться в доспехи, ведь по смыслу летописи сторожа говорили Игорю о воинах которые одели доспехи совсем недавно, что можно перевести как уже с доспехом ездят, т. е. готовы к бою. Хорошо известно что русское войско ездило налегке, возя вворужение в обозе облачаясь в доспехи непосредственно перед боевыми действиями. Но почему же сторожа вдруг предлагают вернуться домой даже не сразившись? Возможно здесь летописец пытается усилить значение слов Игоря о понятиях воинской, дружинной чести выбирающего продолжение похода, но мы предлагаем другое решение этого вопроса. Все летописные источники довольно неопределенно упоминали о встрече Игоря с ковуями, что позволяло ис - ям похода определять её на различных этапах пути Игоря в половецкое поле. Пожалуй ответ на этот вопрос находим в Ермолаевской летописи «тут с коуе с ними сторожа приехаша», т.е. практически одновременно с ними, а возможно и встретили их по пути, но странно бы выглядела ситуация при которой сторожа вместо южного направления, где находились половцы выбирают северное, возвращаясь практически в свои

земли откуда могли прийти ковуи. Значит ковуи могли прийти только с юга, т. е. с половецких земель, как мы предполагаем с...кочевий Кончака! Ведь под Черниговской помощью летописец мог подразумевать что ковуи состояли на службе у Ярослава Черниговского, но ни в одной летописи нет прямого указания на то, что путь ковуев начался именно из Чернигова. Хорошо известно что в начале 1185 г. Ярослав Черниговский послал своего боярина Ольстина Олексича к Кончаку, напавшему на Переяславское кн-во для заключения мира, но исходя из летописного текста это больше было похоже на совместные действия Ольстина с ковуями и Кончака против Переяславля. Недвусмысленно Ипатьевская летопись даёт понять, что участием ковуев в нападении на Переяславское княжество Ярослав «отрёкся брату своему» (Святославу Киевскому). Предупрежденное купцом русское войско упредило удар Кончака, но была захвачена только «меншица» Кончакова войска, самому Кончаку удалось уйти от преследования. Вполне возможно с Кончаком в степи ушли и ковуи, которые на соединение с Игорем могли прийти с кочевий хана Кончака. Именно от ковуев Игорь мог узнать о накоплении половецких войск в районе предполагаемых боевых действий русского войска, предлагавших отказаться от продолжения похода и эту информацию мог сообщить им Кончак! Казалось бы невероятное предположение, половецкий хан сообщает через ковуев русскому князю секретную информацию о замыслах половцев! Многие исследователи недоумевали как половцам удалось так быстро собрать крупные силы для отражения нападения северян, достигнув пятикратного превосходства. Ведь некоторым половецким племенам необходимо было пройти не менее 400 км. чтобы добраться к району боевых действий. Самые простые расчеты показывают что если бы половецкие отряды стягивались к местам будущих боёв одновременно с ыходом Игоря из Новгород-Северского они попросту не успели собрать такое большое войско. Совершенно непонятно и то, как половцы смогли безошибочно определить направление удара Игоря собрав по крайней мере сорокатысячное войско в одном месте. Ближе всех к решению этой загадки подошел М.Д.Приселков высказавший мнение, что половецкое войско было собрано заранее и не в связи с походом Игоря. Видимо весной 1185 г. половцы собирали войско для небывалого вторжения в Русь. Мы предполагаем, что половецкие силы были сосредоточены в районе современного с. Перещепино, где при впадении в Орель р.Беристовая образовывалось огромное озерное расширение Орели. Вполне возможно, что здесь начинался «чёрный лес», известный по летописным источникам. Русские князья были изумлены тем количеством половецких войск, которое им противостояло. Судя по «СПИ» Игорь грозил своим походом всей половецкой земле, но одним боевым походом невозможно было создать угрозу всей половецкой земле. Игорю пришлось встретиться со всей половецкой землёй в одно время и в одном месте «собрахом на ся зем-

лю всю Кончака и Козу Бурновича и Токсобича Колобича и Етебеча и Терьтробича». И так, ходил ли Игорь на Кончака весной 1185 г.? Далеко не просто выглядят отношения Игоря с Кончаком - будущих сватов весной 1185г. как может показаться на первый взгляд. Уже давно пора отказаться от стереотипных взглядов представляющих русско - половецкие отношения как извечную борьбу с поганим половчином. У самого Игоря в жилах текла половецкая кровь, его бабка была дочерью половецкого хана Аэпы, да и решение породниться с самим Кончаком не было сиюминутным. Ис-ли предполагавшие что весной 1185 г. Игорь ходил на Кончака рассматривают это событие как отдельно взятый исторический факт, ими не учитывается военнополитическая обстановка сложившаяся на момент похода. Итак, сторожа предлагали ехать скорее на соединение со Всеволодом, ковуи предлагали вернуться домой... В этом отношении мы предлагаем несколько иное прочтение летописного сообщения об ответе Игоря сторожам. Общепринятым считается что речь здесь идёт о княжеском совете решившем продолжать поход, мы же предлагаем читать: «Игорь же рече» - (далее прямая речь) «с братьею своею (Всеволодом) оже ны будет не бившися возворотися то сором ны будет пушеи смерти». Как видим в нашем прочтении летописный текст приобретает иное звучание, меняясь кардинально! Возвращение домой Игоря оставив Всеволода, обрекая его на верную гибель, и могло быть расценено как срам, позор, огромный удар по княжеской чести Игоря. Игорь не задумываясь решает идти на соединение с войском Всеволода к Сальнице. Уже то, что Всеволод пришел к Сальнице по Муравскому шляху не переходя Донца, а Игорь пришел к Сальнице перейдя Донец в районе Змиёва городища (совр. г. Змиёв) можно сделать важнейший вывод - Сальница являлась правым притоком Донца! Само название Сальницы имеющей обрусевшее название позволяет судить о ней как о реке протекающей в русских землях вблизи русско-половецкого порубежья, т. к. после Сальницы уже упоминается половецкий Сюурлий. Ночной переход от Сальницы к Сюурлию где находились половецкие вежи со 2-го на 3-е мая предполагает расстояние между этими реками в пределах 30-40 км., т. е. одного конного перехода. Под каким же названием известна нам летописная Сальница сейчас? Вполне возможно что Сальница походов Игоря и Вл. Мономаха одна и та же река, благодаря походу Вл. Мономаха заслужившая право именоваться без уточняющего слова река, став точным географическим ориентиром и известной нам сейчас под именем Мжа. В связи с этим стоит заметить, что поток Дыгея, на котором произошло первое сражение войск Вл. Мономаха с половцами возможно являлся небольшим притоком Сальницы (Сални Лавр. л-си) известной сейчас под именем Джгун. Этимологии «потока Дыгея» исследователи не уделяли достаточного внимания, считая что в названии было зафиксировано тюркское личное имя и не более того. Но оказывается в осетинском языке, потомке

аланского, есть такое понятие как «ДЫГАЙ»! Оно обозначает знак парности, сдвоенности, по паре, по два и русскими могло произноситься как «ДЕГАЙ» или «Дегей», т. к. осетинско - аланский звук «ы» не тождествен русскому «ы», это неопределённой окраски гласный (по В.И.Абаеву). Знак парности, сдвоенности может вполне соответствовать характеристике р. Джгун, т. к. известно, что есть два (пара Джгунов) собственно Джгун и его левый приток Малый Джгун. После захвата городов Шаруканя и Сугрова вполне возможно Вл. Мономах решил вернуться в Переяславль и первая битва произошла на потоке Дыгея (Джгун). Вопрос этимологии Сальницы не нашел пока окончательного разрешения среди исследователей похода. Прежде всего рассматривалась тюркская этимология Сал - «приток, рукав реки», но так можно обозначить любой приток. В другом значении Сал - «плот, переправа», но любая река может иметь переправу, что не даёт ничего нового в поисках реальной Сальницы. Ближе к истине Saljan - «подать, пошлина», что уже подразумевает реку приграничную, имеющую таможенный пункт. В этом отношении по нашему мнению близко западнославянское слово Clo - «таможня, пошлина», в словацком Colnica - «таможня». Мы предлагаем рассмотреть некоторые наши этимологические решения позволяющие отождествить летописную Сальницу с р.Мжа. В уральских языках Sale - «отщеплять, расщепляться», в алтайских Calu - «остриё», тунгусско-эвенкийском Calí - «наконечник стрелы», дравийское Cal - «расщеплять». По сути эта цепочка слов на различных языках обозначает характерную особенность змеи - её раздвоенный, расщепленный язык - жало и вместе с тем характерную особенность кочевнических стрел вильчатой формы напоминающих змеиное жало. Как здесь не вспомнить «стрелки хиновские» «СПИ»! Вполне логично рассматривать Сальницу как реку Змеиную, что подтверждается и топонимом Змиёв дошедшего к нам из глубокой древности (Змиёво городище), связывая топоним Змиёв с половецким племенем Змей - КАЙ (QAJ) - Шаруканидов. Но наиболее вероятной и удачной мы считаем этимологию Сальницы на почве древнеиндийского языка - санскрита в котором есть такое понятие как ШАЛА (ШАЛА) обозначающего «земляной вал, насыпь», «ограждение, укрепление». Вполне возможно оно было заимствовано у арийских племён древними болгарами в Прикаспии в VII-VIII в.н.э. Хорошо известно, что в верховьях р.Мжа фиксируется болгарское население проживавшее здесь в VIII-X в.н.э. Об этом красноречиво свидетельствуют р.Болгар - лев. приток Мжи, с. Шевченково до 1948 г. именовалось Болгар, на окраине которого находится древнеболгарское городище, упоминает р.Болгар и «Книга Большому Чертежу» (далее «КБЧ»).

Известно, что у болгар наблюдалось неразличие звуков - «ш» и «с», так что вполне допустимо произношение болгарами слова Шала как Сала и это название реки было усвоено русским населением. Болгарское

слово Сала, русское Сальница в плане этимологического решения позволяет определять летописную Сальницу (Мжу), как реку имеющую вал, насыпь, укрепление и очень точно характеризует ландшафт прилегающий к верховьям р.Мжа. До сих пор сохранились на местности остатки этого некогда грандиозного сооружения, соединяющее верховья рек Мжа и Коломак, упоминаемого ещё Геродотом, функционирующего в древнерусское время, упоминаемого в «КБЧ». Наличие этого оборонительного сооружения, вполне возможно известного в древности под именем «змеёвих валов» отражено в топонимах Перекоп и Валки и не могло не отразиться в словообразовании летописной Сальницы (Сални), названной так болгарами, проживающими вблизи этого древнего оборонительного сооружения. В отношении точности нашей этимологии Сальницы, как реки имеющей вал, обладающей валом свидетельствует тот факт, что в чувашском языке, потомке болгарского сохранилось слово Сала обозначавшее в древнем значении укрепление, крепость, городище ограждённое РВОМ и ВАЛОМ! В связи с нашествием монголов старое название Сальница могло быть забыто и за рекой закрепилось русское название МЖА (МЕЖА), близкое по значению к Сальнице как реке пограничной, имеющей укрепление. Вполне возможно, что в словообразовании Сальницы могло принять участие санскритское ANTSALA в значении «край, окраина», что также может характеризовать р.Мжу, как реку окраинную, имеющую пограничное значение - реку антов, древнего славянского населения в значении «житель окраины», что в последствии отразилось в названии Переяславской Украины, исторической области юго - восточной Руси упоминавшейся в Ипатьевской летописи в связи со смертью Владимира Глебовича Переяславского в 1187г., как территория, входящая в состав Переяславского княжества. Благодаря хорошо заметному на местности валу Сальница (Мжа) могла быть в древней Руси известнейшим ориентиром, что резко выделяло её среди других рек и отразилось в её этимологии. Сопоставление данных археологии, исторической географии, этимологии, письменных источников позволяет нам видеть в р.Мжа летописную Сальницу. Вполне возможно это этимологическое решение может стать решающим в поисках реальной Сальницы.

Сбор войск Игоря и Всеволода у Сальницы (Мжи) уже подразумевает направление движения русичей к верховьям Орели, которую мы согласно нашей гипотезе отождествляем с летописным Сюурлием. Известно, что на Орели локализовалась группа половецких племён относящихся к Поднепровским половцам и именно на вежи поорельских половцев и был направлен удар Игоря. Нападать на кочевья Кончака Игорь не только не собирался, равно как и на верхнедонецких, входящих в орду Кончака, но как ни странно это может прозвучать, все свои действия на момент похода Игорь согласовывал с Кончаком! Как ни парадоксально это звучит, но сообщения летописных источников убежда-

ют нас в этом. Немало исследователей исходя из летописного рассказа о походе Игоря на половцев обращало внимание на довольно странное поведение Кончака во время Каяльской битвы, не поддающееся логике, но это только в том случае, если рассматривать действия Кончака с позиций врага Игоря. Летописные источники упоминают только единственный случай столкновения Игоря с Кончаком в 1174 г. После этого ни в одном летописном источнике нет даже намёка на какие либо неприятельские отношения между ними. Мало того, уже в 1180 г. Игорь и Кончак союзники, отвоёвывающие Киевское княжение для Святослава и разгромленные войском другого претендента на Киевский стол Рюрика Ростиславича в одной ладье, едва избежав плена прибывают к Чернигову. Именно с этим фактом можно связать начало долгой многолетней дружбы, выросшей из временного военного союза, переросшего впоследствии в крепкие дружеские отношения, а затем и родственные после женитьбы сына Игоря Владимира на дочери Кончака. Нет, не на Кончака ходил Игорь! Согласитесь, довольно странно выглядит ситуация при которой в окружении русского войска участвуют половецкие племена пришедшие к Каяле с дальних половецких кочевий, находящихся за 400 км. от места битвы, а Кончак если предполагать что удар Игоря был направлен на его кочевья прибывает к окруженным одним из последних, по сути, находясь на кратчайшем расстоянии от Игоря! Уже то, что Кончак на месте сражения выкупил Игоря у Чилбука наталкивает на мысль, что это была одна из первостепенных задач Кончака прибывшего к Каяле, и если выкуп имел место на месте сражения, то вполне логично предположить, что половецкий хан вёз выкуп с собой и прибыл к окруженному русскому войску далеко не с боевыми намерениями в отношении северского князя. После разгрома русского войска Кончак пытался отговорить своего временного союзника хана Кзу, относящегося к Поднепровским половцам не нападать на беззащитные северские земли, довольно комфортабельная жизнь Игоря в плену имеющего возможность даже охотиться и наконец побег Игоря из плена, возможно устроенного самим Кончаком подводят нас к мысли о крепких дружеских отношениях между русским князем и половецким ханом. В 1185 г. Игорь не только не собирался нападать на Кончака, но и предпринимал все меры к укреплению союза с Кончаком. Тяжелая распря между Игорем и Владимиром Переяславским может служить надёжным аргументом, подтверждая это. Ведь в случае обострения отношений с Переяславлем, с которым Игорь был практически в состоянии войны он мог рассчитывать на военную помощь со стороны Кончака. Частые нападения Кончака на Переяславское княжество вполне устраивали Игоря, т. к. ослаблялась военная мощь южного соседа и Игорь мог чувствовать себя в относительной безопасности. Интересно отметить, что о походах Кончака против Переяславля после 1187 г. т. е. после смерти Вл. Глебовича в летописях не упоминается, может в связи со смертью

врага Игоря в них отпала надобность?! Весьма похоже что нападения на Переяславль можно рассматривать не только с позиций мести Кончака Переяславлю за своего деда Шарукана и его отца Атрака, но и как выполнение Кончаком союзнических обязательств в отношении Новгород-Северска, но в этом случае и у Игоря должны были быть определённые обязательства перед Кончаком. Именно на основе выполнения союзнических обязательств между Игорем и Кончаком мы и строим свою гипотезу относительно задач и целей похода Игоря. Что же заставило Игоря отправиться в поход, наспех подготовленный, собирая своё войско по пути следования к Осколу? Известно, что после удачных боевых действий против Кончака в очередной раз напавшего на Переяславские земли, Святослав отправился к Корачеву в верховые Черниговские земли для сбора войск, намереваясь летом идти войной на Кончака. Нет никаких сомнений, что Святослав двигаясь по землям Черниговским и Новгород-Северским мог посетить и Ярослава в Чернигове и Игоря в Новгород-Северске, поделившись с ними своими планами относительно летней кампании против Кончака, надеясь их дружины видеть в составе объединенных княжеских войск. Нет никаких сомнений, что Святослав мог сообщить братьям и о походе Романа Нездиловича с берендеями против поднепровских половцев. Широкомасштабные боевые действия против традиционных союзников Ольговичей - донецких половцев, возглавляемых Кончаком никак не входили в планы ни Ярослава, ни Игоря, помышлявшего породниться с половецким ханом. Только упреждающий удар, маленькая локальная война против ближайших соседей Кончака поорельских половцев могла сорвать замыслы Святослава, изменить ситуацию в поле в пользу Кончака. К весне 1185 г. интересы Игоря и Кончака были тесно переплетены. Кончак объединивший донецких половцев в орду был не прочь распространить своё влияние и на часть Приднепровской половецкой группировки, к которой относился и Кза Бурчевич, с которым Кончак заключал лишь временные военные союзы. Вполне возможно частые набеги Игоря на кочевья хана Кзы преследовали цели убедить Кзу войти в орду Кончака. Можно полагать, если бы это произошло прекратились бы и набеги Игоря на кочевья Поднепровцев. Далеко не просто выглядят события весны 1185 г. и здесь уже можно говорить о некой стратегии тайного военно-политического блока Ярослава - Кончака - Игоря. Нет никакого сомнения что перед нами пример военно-политических действий направленных на укрепление военного союза, впоследствии закреплённого и династическим браком Владимира с Кончаковной. Военные действия Игоря мы расцениваем как набег на ближайшие к Руси кочевья половцев, но скорее набег не простого, ведь хорошо известно, что в обычных набегах принимало участие не более 3-4 тыс. всадников. Войско Игоря и Всеволода могло насчитывать до 6-8 тыс. чел., что может говорить о довольно крупномасштабной военной операции направленной на довольно

крупное объединение половцев поблизости от границ Руси, каким могла являться поорельская группа половцев. Нападение на поорельцев подразумевает и направление движения войск Игоря к верховьям р.Орель, т. е. в нашем понимании Сюурлий летописных источников. Именно вблизи этой реки стояли половецкие вежи, захваченные русским войском 3 мая. Большинство исследователей пришло к выводу, что расстояние между русской Сальницей и половецким Сюурлием не могло быть большим, которое русской конницей было преодолено за короткую майскую ночь. Расстояние между Мжой (Сальницей) и Орели (Сюурлием) вполне соответствует скоростным пределам движения русской конницы определяемой большинством исследователей в пределах 30-40 км. и составляет 32 км. В яркой поэтической манере описывается ночной переход русского войска в «СПИ». Упоминаются в нем и обитатели леса волки и лисы, ополчающиеся против русского войска и выход воинов в степные просторы «поля широкие». Фактически перед нами описание географического района перехода лесостепи в степь и довольно точно вписывается в предполагаемый нами маршрут Игоря к вежам. Как мы уже упоминали выше основной сбор русского войска состоялся на Сальнице (Мже), как мы предполагаем на тер - рии заключенной между рек Сев. Донец, Мжой и её пр. притоком р.Ольшанка. Эти места были хорошо известны Игорю т.к. летописные источники упоминают, что Игорь проходил Змиёво г - ще используя его в борьбе с половцами, которое находилось в предполагаемом нами р - не. Продвигаясь вдоль русла Ольшанки Игоревы дружины выходили на Муравский шлях, проходивший по Днепру - Донскому водоразделу, далее путь руссов лежал к верховьям Сюурлия (Орели). Часть пути как известно проходила лесными массивами видимо Придонецкими лесами. Территория занятая лесом имеет довольно пересеченный характер, здесь много балок и яруг, не по этим ли яругам рыскали волки «СПИ»? Осмотр местности прилегающей к Орели позволяет заключить что она вполне может претендовать на роль летописного Сюурлия. Особое внимание мы уделили участку Орели от с.с. Марьевка и Дмитровка до с. Коммунарка, придя к выводу что вероятнее всего вежи могли стоять в р - не совр. с. Коммунарка. Здесь в Орель справа впадает р. Шляховая. Слиянием этих рек образуются широкие пойменные луга, которые несомненно могли привлечь кочевников в качестве пастбищ для выпаса скота и лошадей. Размещение веж у слияния этих рек могло носить и тактический характер, р. Шляховая могла использоваться как естественный оборонительный рубеж, прикрывая вежи с севера, со стороны р. Берестовая по которой проходила русско - половецкая граница. Похоже именно со стороны Берестовой и была выставлена охрана веж. Обратите внимание как летописи описывают обнаружение русскими половецких веж: «заутра же пятку наставшу во обеднее веремея усретоша полкы половецкие бяхуть бо до них доспеле вежи свое пустили за ся а сами собрав-

шеся от мала и до велика стояхуть на оной стороне реки Сюурлия... ». Посудите сами как летописец описывает эту ситуацию, ведь создаётся полное впечатление, что половецкая охрана стояла по отношению к подходящему русскому войску... позади веж! Ведь вежи и так должны были находиться за охранением, а судя по летописному описанию Игорь подошел к вежам совсем не с той стороны откуда его ждали половцы. Такая ситуация возможна только в том случае, если р.Сюурлий текла по отношению к Сальнице перпендикулярно. Такой вариант вполне реален в нашем случае, ведь р.Орель (Сюурлий) по отношению к р.Мжа (Сальница) расположена перпендикулярно до слияния с Орелькой. В нашем случае войско Игоря могло подойти к вежам как с левого берега, так и с правого.. Ис - ли правильно отмечали тот факт, что ночной переход Игоря к вежам застал половцев врасплох, но ещё большей неожиданностью для половцев явился тактический замысел Игоря, подошедшего к вежам совсем не с той стороны откуда его ждали. Охране в срочном порядке пришлось менять дислокацию, выдвигаясь на встречу Игорю, одновременно пуская вежи «за ся», т.е. за себя. Это могло внести в действия половцев определённую панику, они хоть и успели отправить вежи в тыл, но было упущено время, что позволило передовым русским отрядам их быстро захватить. Стоит заметить что конница молодых князей и ковуев без труда преодолела Сюурлий, что может говорить о том что река была перейдена в верховьях или при впадении притока, намывшего перекал. Если наше предположение верно, то в этом случае левобережные версии похода Игоря сталкиваются с трудноразрешимыми проблемами.

К примеру вариант Г.Е.Пядышева предполагает, что Сальницей была р.Вел. Бурлук, Сюурлием р.Гнилица, а Каялой р.Крайняя Балаклея, но в таком случае половцы могли ждать Игоря только с северо - востока, со стороны Изюмской сакмы. Согласитесь, странно выглядят действия половцев, располагающих охранение позади веж, зная при этом, что Изюмская сакма единственное направление по которому могло двигаться войско Игоря. Не менее проблематично выглядят и другие левобережные версии, предполагающие искомые Сальницу, Сюурлий и Каялу рассматривать как притоки Сев. Донца, да и не только они. За многолетнюю историю изучения обстоятельств похода Игоря этимологии названия р.Сюурлий уделялось огромное внимание, т.к. это могло позволить определить географический район её местоположения и существенно уточнить географию похода Игоря, но в тюркских языках довольно много слов которые теоретически могли участвовать в словообразовании р.Сюурлий. Рассматривались различные варианты, такие как - suug «комаринная». Это позволяло видеть в ней реку равнинную, болотистую, с медленным течением, многочисленными заводьями. Другие этимологии рассматривают её название от слов волочить, тащить, как полную рыбу, как реку мужества. Одной из наиболее распространённых этимологий

считается название от тюркских - су «вода, река» и йер «земля, урочище» плюс аффикс обладания - ли (лы), т.е. суерлы (ли), что совпадает с летописным Ерель (Угол). Рассматривалось и тюркское Ajrily - Айрилы (ли) «угловатая, имеющая изгибы». В отношении этимологии мы предлагаем рассмотреть казахское слово СҮЙІР, которое применяется во многих значениях - «клин, клин земли, стрелчатая, обтекаемая» и т. д. Такое этимологическое решение вполне оправданно, т. к. хорошо известно, что половцы относились как и казахи к одной языковой группе - кыпчакской. Изучая «Опыт словаря тюркских наречий» В.В.Радлова мы обнаружили слова, которые по нашему мнению могут являться наиболее оправданными с точки зрения этимологии Сюурлия и отождествления его с Орелью. Это слова - JUR (йур, ур, юр) «возвышение, подъём, холм», а слово JURLY (йурли, урли, юрли) обозначало «холмистая местность»! Такое этимологическое решение как нельзя лучше подходит к Орели до впадения в неё Орельки, т.к. они в верхнем течении протекают в пересеченной местности, имеющей отметки над уровнем моря от 160-212 м. над уровнем моря. На старинных картах XVI-XVII в.в. водораздел Днепра и Дона в непосредственной близости от которого протекают Орель и Орелька неизменно обозначался грядой холмов, что только подтверждает нашу этимологию Орели - СУ + ЙУРЛИ (УРЛИ, ЮРЛИ) - река в холмистой местности. Стоит отметить, что такое решение наиболее точно соответствует летописным обозначениям р. Сюурлий и Татищевскому Суурли, а также Ермолаевскому списку Суурли. Наше этимологическое решение наглядно демонстрирует правильность отождествления Орели с летописной р.Сюурлий. Стоит заметить что известные украински этимологи - составители «Словника гідронімів України» также отождествляют р.Орель с летописным Сюурлием.

Вот мы и подошли к пожалуй главной теме нашей статьи в которой попытаемся разобраться была ли река Каяла на самом деле или же она является поэтическим вымыслом Автора «СПИ». Более 200 лет исследователями предпринимались попытки найти эту неуловимую реку, но стоит признать что они так и остались в области предположений, версий и гипотез. Таинственной и загадочной предстает перед нами река Каяла. Большинство исследователей видело в Каяле именно реку и применяя этимологические, историко - географические знания, скурпулезно изучая старинные карты XVI-XVIII в.в. пытались выйти на след Каялы. До сих пор в науке борются несколько этимологических решений названия этой неуловимой реки. Сторонники версий проникновения Игоря в глубь половецких тер - ий считали что этимологическое решение названия Каялы стоит искать исходя из тюркского слова - Каја «скала, утёс» (К. Менгес) размещая её в районах Приазовья, ведь русла многих рек в этом регионе проложены в архейских гранитах. Как скалистую определяет р. Макатиху и М.Ф.Гетманец, отождествляя её с Каялой считая, что ранее она имела скальные образования. Из-

вестный тюрколог Н.А.Баскаков предложивший целый ряд этимологических решений относительно Сюурлия и Каялы выводил название Каялы от тюркских слов - қуҗҒақ ~ қуҗақ > қаја «всякая трава с режущими листьями: осока волчьих бабки». Здесь мы уже видим диаметрально противоположный взгляд на район где могла протекать Каяла, определяя её как реку равнинную с обильными зарослями осоки, камыша приближая её к этимологии Сюурлия как реку «комаринную», полную мошкеры, считая что эти реки могли протекать недалеко друг от друга. Такое разнообразие этимологий Каялы не даёт оснований для её точной географической локализации. Часть исследователей предлагало видеть в Каяле не географический объект, не собственное имя реки, а нарицательное получившей своё название в связи с трагическим завершением Игоря похода, став для русских рекой скорби, горя, плача и смерти (Л.А.Дмитриев). Другие исследователи замечая что в древнерусской литературе XII-XIII в.в. игра слов была довольно распространённым явлением полагают, что река с тюркским названием русскими была переосмыслена применительно к глаголу «Каяти» став рекой покаяния, раскаянья (А.И.Попов). Ряд исследователей полагал что название реки как географического объекта могло перейти в нарицательное имя, став таким образом в один ряд с такими известнейшими названиями как Ватерлоо и Рубикон. В этом отношении весьма примечательны строки из стихотворения В.Я.Брюсова «Наш демон»:

У каждого свой тайный демон
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон

Какой же тайный демон влёт Игоря к Каяле ставшей роковой в его судьбе? Но была ли река Каяла на самом деле? Пожалуй на этот вопрос уже ответил известный украинский исследователь «СПИ» и похода Игоря на половцев Б.И.Яценко. В своём труде «Слово о полку Игоревим та його доба» он беря за основу решение Л. О.Дмитриева в отношении Калы как места скорби, плача, гибели что подтверждается древнерусскими словами “ жля, желя “ (ритуал захоронения умерших или погибших сопровождавшийся обрядом плача и причитания) и “ жальник “ (место захоронения, кладбище) Б.И.Яценко далее замечает что : - «желя» і «каяла» - синоніми і у літописній фразі «каяла» є уточненням, поясненням до слова “ желя “. Тому попонуємо читати її так: «... наведе на ны плачь и во веселье место желю нареце каялы». Тобто «ріки» тут немає і не було: є дієслово «нарицяти», яке часто зустрічається у пам'ятках киево - руської літератури як наприклад в «Успенском сборнике» XII-XIII в.в. (М., 1971г.). Не правда ли довольно неожиданное и оригинальное решение проблемы летописной Каялы! Это решение поддерживаем и мы, но в этом случае возникают закономерные вопросы, ведь получается что Автор «СПИ» мог пользоваться Ипатьевской летописью уже разбитую на слова, т. е. создавал своё произведение уже после 1425г., к ко-

тому относят создание Ипатьевского списка, не понимая истинное значение понятия «нареце каялы» древнерусского летописца. На этот вопрос Б.И.Яценко не отвечает, относя создание «СПИ» к концу XII в. Вопросы связанные с временем написания «СПИ» до сих пор остаются открытыми и хотя не являются предметом изучения нашей статьи, но стоит высказать несколько замечаний относительно древности «СПИ». Во-первых Автор начинает свою героическую песнь «старыми словесы» но здесь возникает вполне логичный вопрос, если «СПИ» произведение конца XII в. как считает большинство исследователей какой же более старый, чем древнерусский язык мог использовать Автор? Начало «СПИ» скорее выдаёт более позднего Автора произведения. Не понятно почему древний Автор хочет начать произведение «по былинам сего времени а не по замыслению Бояню» в то же время Софоний Рязанец - Автор «Задонщины», написанной в конце XIV в. Бояня восхваляет: «восхвалим вещаго бояна в городе в киеве гораздогудца». Создаётся полное впечатление о более позднем происхождении «СПИ» даже относительно «Задонщины», ведь возникает вполне логичный вопрос, кто же из авторов более христианин -- монах Софоний или же неизвестный Автор «СПИ» неизвестно когда написанного? Наиболее вероятно, что мы имеем дело всё таки с древним произведением, получившем более поздние литературные наслоения. Что же касается вопросов связанных с происхождением названия Каялы стоит заметить следующее. В мифологии и эпосе различных народов мира культ воды, реки, озера имел едва ли не решающее значение. По преданиям многие народы мира ведут своё происхождение от водной стихии, не является исключением и славянская мифология в которой культ воды, почитания рек и озёр был чрезвычайно развит. Реки в русском былинном эпосе олицетворяются, становятся действующими персонажами, наделяются чертами характера присущего людям. Почитание водных объектов характерное для русского фольклора нашло своё продолжение как своё продолжение и в произведениях русских писателей. В «Тихом Доне» М.А.Шолохова и «Угрюм - реке» В.Я.Шишкова образы реального Дона и вымышленной Угрюм - реки помогают создать авторам широкие эпические картины происходящих событий, эти реки становятся неотъемлемой частью действия. Целый ряд современных литературных произведений впитал в себя древние элементы героического былинного эпоса и несомненно «СПИ» можно считать связующим звеном между древнерусским народным эпосом и современным литературным наследием. Особое место Автором «СПИ» отводится созданию образов рек, являющихся важнейшими составляющими природной среды, к которым Автор относится с величайшим уважением. Особенно это заметно в плаче Ярославны, которая обращается к рекам как к живым существам, которые могут вернуть Игоря из половецкого плена. Сам Игорь прибыв к Донцу скрываясь от преследования воспекает величие этой

реки, которая не раз помогала ему в походах, не подвела она Игоря и во время побега, скрыв его от преследователей. Вместе с тем в «СПИ» появляются и реки - антиподы ставшие реками скорби, печали и слёз. Такими реками предстают Стugna и Каяла ставшие губительными для русских войск. Здесь уже можно рассматривать Каялу как реку жертвоприношения, но не всё так просто как может показаться на первый взгляд. Исследуя этот вопрос стоит обратиться к свидетельству Ипатьевской летописи и близким к ней спискам, где упоминаются географические названия рек связанных с походом Игоря. Стоит обратить внимание, что перечисляя речные объекты летописец не пользуется предложением «на»: на такой - то реке или озере: «идушим же им к Донцу реки», но не на Донец, «приида ко Осколу», но не на Оскол, «поидоша к Салнице», но не на Сальницу, «шел вокруг при езере», но не на озере. В этом отношении летописная фраза «на реце Каялы» стоит как бы особняком. Если бы летопись сообщала что место желю было у рецы Каялы, тогда бы было абсолютно ясно что речь здесь идёт именно о реке. Как замечаем, летописец довольно внимательно относился к понятиям, связанным с речными объектами и участкам суши к ним примыкающим «на оной стороне реки Сюурлия». В данном случае вполне правомерно предположить, что речь в летописи идёт не о реке, а о некоем «месте желю» т. е. участке суши в значении назвать, дать прозвище, обозначить, наименовать. Можно заключить, что здесь мы видим не упоминание географического объекта, названия реки Каялы, а участка суши где произошли столь трагические события весны 1185г. То, что Каялы объект не географический можно заключить исходя из данных «Истории Российской» В.Н.Татищева создавшего свой труд на основе летописных источников относящихся к поре раннего летописания. В его рассказе о походе Игоря присутствуют все географические объекты упоминаемые в летописных источниках включая и Ипатьевскую. Здесь есть и Донец и Оскол, Сальница и Сюурлий (Суурли, Суугли). О реке Каяле в его труде не упоминается вовсе, о ней нет даже намёка. То что понятие Каялы присутствует только в Ипатьевском списке летописи, изобилующей риторическими вставками - размышлениями летописца или редактора позволяет нам упоминание о Каяле отнести именно к риторическим вставкам - размышлениям летописца. Вслед за Б.И.Яценко мы предлагаем чтение летописной фразы «нареце каялы», но в отличие от него придерживаемся мнения относительно понятия Каялы не Л.О.Дмитриева, а А.И.Попова считавшего что «Каяла, точнее Каялы есть типично кыпчакское (куманское, половецкое) название», замечая что игра слов подобная сближению каять и каялы была достаточно распространенным явлением в литературных памятниках конца XII - начала XIII в.в. и нет ничего удивительного что место поражения русского войска в половецкой земле названо русскими половецким же словом. В риторических вставках Ипатьевской и подобных ей летописях четко прослеживается

мысль летописца о понятии греха, неотвратимости божьего наказания, нравственного очищения и в конечном счёте прощения Богом Игоря. Поражение и пленение князя Игоря расценивается летописцем как Божье наказание за тяжкий грех совершенный им при захвате переяславского города Глебова, жестоко расправившегося с его жителями - христианами мстя Владимиру Переяславскому за разорение Северских земель. Это понимает и Игорь: «се ныне вижу отместье от Господа Бога моего...» Исходя из этого реконструированная летописная фраза: «и тако во день святого воскресения наведе на ня гнев свои в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю нареце каялы» должна рассматриваться не как летописное сообщение о гибели русского войска на реке Каяле, а как часть риторической вставки относящейся к покаянной речи Игоря. Именно после сообщения о поражении русских войск следует и покаянная речь Игоря, понявшего что это божье наказание за его прегрешения. В авторитетнейшем по мнению М.Ф.Гетманца «Опыте словаря тюркских наречий» В.В.Радлова, которого известный исследователь в области топонимики Э.М. Мурзаев считает отцом сибирско - тюркской и монгольязычной топонимики можно найти подтверждение нашему предположению. В этом подробнейшем словаре тюркских языков и их диалектических разновидностей присутствуют такие слова, как:

1) КЫЈАЛ (КЫЙАЛ) - «наказание, гнев, преступление» !

2) КЫЈАЛЛА (КЫЙАЛЛА) - «грешить, совершать преступление» !

3) КЫЈАЛЛАН (КЫЙАЛЛАН) -«провиниться» !

4) КЫЈАЛЛАТ (КЫЙАЛЛАТ) - «сооблазниться на грех, уличить в преступлении» !

5) КЫЈАЛДА (КЫЙАЛДА) - «наказать, быть сердитым сердиться, разгневаться» !

6) КАЙНАЛ (КАЙНАЛ) - «терпеть какое - нибудь несчастье из - за греха» !

А чего стоят примеры приведённые в этом же словаре В.В.Радловым:

КЫЈАЛ ЕТТИ - “ он согрешил “ !

КУДАЙ КЫЈАЛДАДЫ - (КУДАЙ КЫЙАЛДАДЫ) - «БОГ РАЗГНЕВАЛСЯ» !!!

В предисловии к словарю В.В.Радлова находим пояснения автора относительно произношения некоторых букв и слов. Оказывается тюркское - «ы» в фонетическом отношении не соответствует в полной мере русской - «ы», а стоит в ряду гласных и по произношению ближе к русским - «о» и «а»! Так что в Ипатьевской летописи мы можем видеть не что иное как тюркский эквивалент русского понятия «БОГ РАЗГНЕВАЛСЯ», но уже с особенностями произношения тюркского слова русскими - «КАЯЛЫ» в том же значении! Вполне возможно, что автором «СПИ» летописное КАЯЛЫ было переосмыслено и найдено необычайно ёмкое по своей сути решение создавшего литературный образ вымышленной реки Каялы – реки скорби и плача, реки смерти, что уже подразумевает первичность летопис-

ных источников относительно «СПИ». Уже в самом понятии реки Каялы мы замечаем игру слов -

РЕКА КАЯЛА - (РЕ) { КА } (КА) { ЯЛА } !

И наврядли это можно объяснить простым совпадением или его величеством случаем, скорее здесь можно видеть следы работы автора «СПИ» над своим произведением. Но пожалуй истинное значение реки Каялы «СПИ» мы узнаём вспомнив, что в турецком языке слово НАУАЛ обозначает ... представление, воображение, вымысел, фантазия! В татарском ХЫЯЛ обозначает то же самое! В каракалпацком КЫЯЛЫЙ обозначает фантастику, вымысел! В казахском языке наиболее близком к половцам слова фантастика, вымысел, воображение произносятся как... КЫЯЛИ !!! И у В.В.Радлова в словаре находим что тюркское ХАЈАЛ обозначало не что иное как воображение, дума, мысль! Ведь «СПИ» можно рассматривать как думу, размышления Автора о судьбе Руси конца 12 в. раздираемую княжескими междуусобицами. Исходя из этого можно заключить, что река КАЯЛА представляется нам как река вымышленная, фантастическая, плод воображения древнерусского автора! Стоит признать что если на протяжении более 200 лет искали на самом деле несуществующую реку, приняв летописное обозначение «нареце каялы», т.е. «названное, именованное каялы» - «Бог разгневался» за географическое обозначение реки, реки вымышленной неизвестным выдающимся древнерусским автором «СПИ»!

Стоит задаться и вопросами связанными с определением понятий Дона и моря, как летописных, так и «СПИ». У предыдущих исследователей этот вопрос не нашел окончательного решения, но большинство исследователей пришли к мысли, что в Древней Руси Доном мог именоваться Сев.Донец. Это мнение было высказано ещё В.Н.Татищевым, пришедшему к выводу что в древности Доном именовался Сев.Донец, что впоследствии нашло поддержку у многих специалистов в области исторической географии. Академик Б.А.Рыбаков наиболее основательно рассмотревший этот вопрос, считал что Сев.Донец в древности был известен под именем Великого Дона на всём протяжении, а Донцом Малым называлась р.Уды. Существовали мнения, что Дон начинался слиянием с Сев. Донцом р.Уды или же Оскола. Как бы там ни было большинство исследователей сходилось в одном -- под Доном летописных источников подразумевался Сев. Донец. Хорошо известно что на Донце не раз происходили столкновения русских дружин с кочевниками, которых Донец привлекал к себе богатством природных ресурсов, на нём локализовались крупные половецкие объединения, в частности Шаруканидов. Донец не раз становился ареной столкновений кочевников между собой за обладание богатейшим районом Подонья. По нашему мнению в определении деления Сев.Донца в древности на Донец и Дон стоит обратить пристальное внимание на озеро Лиман, находящегося в районе г.Змиёва на левобережье Сев.

Донца. В Древней Руси оно могло именоваться озером Доновым и считаться истоком Дона, Дона Великого. Оно и сейчас занимает довольно большую площадь, достигая в длину до 7 км., а в ширину до 2,5 км., а в древности могло достигать в длину до 20 км., а в ширину до 10 км. Из летописных источников в рассказах о походах русских войск к Донцу (Дону) зачастую мы встречаем такие фразы, как «поидоша к Донови», «идти к Донови на всё лето» и вместе с тем «ходиша за Дон», «пить воду с Дона» и т.д. Не значит ли это что мы имеем дело с описанием различных водных объектов, но непосредственно связанных между собой и под именем ДОНОВО летопись обозначала не сам Дон, а озеро из которого он вытекал. Выдвигая такое предположение стоит задаться вопросом, не было ли подобных аналогий в древней Руси? Так известно, что в древности озеро Ладога именовалось озеро НЕВО, т.е. озеро реки НЕВА из которого она вытекала, по реке МСТЕ именовалось озеро МСТИНО. И сейчас мы находим немало примеров названий озёр по рекам из них вытекающих -- Водлозеро и р. Водла, оз. Воже и р. Вожега, оз.Двинье и р.Зап.Двина, с которой оз. общается протокой, возможно исток Двины согласно древних географических представлений, оз.ВОЛГО и р.ВОЛГА. Наш случай совершенно аналогичен приведённым примерам и в древности оз.Лиман могло быть известно под именем ДОНОВА озера - истока ДОНА, ДОНА ВЕЛИКОГО! После татарско - монгольского нашествия районы Подонья надолго опустели, забылись названия летописных Дона, Донца, Сальницы и Сюурля, истока Дона - оз. Донова которому на смену пришло имя Лиман, пришедшее к русскому населению от греков через тюркское посредство. Интересно отметить, что в «Толковом Словаре Живого Великорусского Языка» В.И.Даля оз.Ильмень (русифицированное название Лимана) характеризуется как озеро, в которое втекает река и вытекает из него, что совпадает и с нашими представлениями относительно оз. Донова (Лимана) в которое впадает р. Донец и вытекает Дон. Ещё в XVII в. судя по картографическому материалу оз. Лиман поражало своими размерами, имея значительно большие размеры и совсем другие очертания. Таким оно предстаёт пред нами на карте Исаака Массы датированной 1633 г., но самое замечательное то, что оно изображено с истоком в Сев.Донец! Сам Донец на этой карте носит двойное название -- «Donets Resa» и «Siuersie Donets», а на другой карте этого же картографа относящейся к тому же 1633 г. Донец от истоков и до оз.Лиман именуется «Donets Resa», а после Лимана и до устья «Serensci Donets fl.». Стоит признать, что ещё в XVII в. Донец делился на две реки, до оз. Лиман и после него, что несомненно является отголоском древнего деления Сев.Донца на собственно Донец и Дон древнерусских источников! Исходя из этого и учитывая летописное сообщение о попытке русского войска прорваться к Донцу места сражений с половцами стоит искать в радиусе 30-40 км. от оз. Лиман - истока Дона. Попытка русских дру-

жин прорваться к Донцу южнее районов очерченных в пределах 40км. может расцениваться как попытка прорваться уже к Дону, что противоречит летописным источникам. В пределы очерченных районов порядка 30-40 км. попадают и районы предполагаемых нами боевых действий. Стоит учесть тот факт, что решение прорваться к Донцу было принято князьями не сразу, можно предположить, что раннее было выбрано направление наиболее приближенное к границам Руси, но видимо и половцы сосредоточили на этом направлении наибольшее количество войск. Русское войско связанное постоянными сражениями по нашему мнению смогло пройти лишь к верховьям р.Берека, где было окончательно остановлено преобладающими половецкими отрядами. Попытка прорваться к придонским лесам, где русское войско могло найти шанс к спасению провалилась. Дружины Игоря были оттеснены в район совр. с.Октябрьское, где было окончательно разгромлено. В этом отношении не менее интересно рассмотреть и проблему моря, как летописного так и «СПИ». Упоминание моря в источниках позволило некоторым исследователям предположить, что сражения с половцами произошли в районах приближенных к Азовскому морю, т.е. в глубине половецких земель, но всё больше и больше исследователей пришло к выводу, что дружины Игоря могли продвинуться не далее среднего Донца, но здесь нет водных объектов претендующих на роль моря. По - этому были высказаны мнения, что под морем в летописи могло фигурировать озеро и даже болото. В.Г.Фёдоров, автор одной из версий под фразой «в море истопоша» подразумевалось не географическое понятие, а эквивалент слова «погибли». В «СПИ» понятие моря скорее является неким художественным образом и может восприниматься так же как и вымышленная Каяла. Вполне возможно, что и море Ипатьевской летописи так же не является географическим объектом. Посмотрим как в летописях описывается финал Каяльской битвы: - «и полку разведении и поиде кождо во своя вежа... с 15 муж утекши а ковуем мнее а прочии в море истопоша». Не напоминает ли летописное сообщение о разгроме русского войска некую сводку с театра военных действий - сколько воинов попало в плен, сколько погибло, скольким воинам удалось прорваться через половецкие ряды. Но во время сражений есть и воины, которые не числятся ни среди убитых, ни среди живых - пропавшие безвести. По нашему мнению мы имеем дело с древним эквивалентом современного понятия пропал безвести, именно о безвести пропавших воинах и идёт речь в летописи. Ведь и сейчас о пропавшем человеке мы зачастую говорим «пропал как в воду канул». Ведь в летописи речь идёт именно о прочих воинах, о которых не было известий. Перед нами не что иное как сообщение о воинах пропавших безвести во время трагической развязки Игоря похода. Сообщение Лаврентьевской летописи о гибели русского войска в этом случае перекликается со свидетельством летописи Ипатьевской: « и побезени быша наши гневом

Божьим князи вси изъимани быша а боляре и вельможа и вся дружина избита а другая изъимана и та язвена и възвратишася с победою великою половцѣ а о наших не быс кто и весть принеса за наше согрешенье где бо быше в нас радость ноне же въздыханье и плачь распространися». Подводя краткие итоги нашего исследования приходим к следующим выводам:

1) Выход Игоря из Новгородсеверска состоялся 13 апреля по направлению к Курску и далее по Посемью к верховьям Оскола, летописное сообщение о переходе Донца 1 мая, во время солнечного затмения на начальном этапе похода нами расценивается как вставка в более ранний текст летописи. Далее его путь лежал по Изюмской сакме к Змиевскому перелазу, при переходе которого русского войска и застало солнечное затмение;

2) Всеволод идя из Трубчевска, опаздывая к условленным местам встречи из Курска пошел к главному месту встречи на Сальнице (р.Мжа) прямым путём, по Муравскому шляху прийдя туда раньше Игоря, потерявшего 2 дня на ожидание Всеволода в Поосколье;

3) Встреча князей на Сальнице, ночной переход к половецким вежам к реке Сюурлий (р. Орель) которая в древности считалась притоком р.Ерель (Угол) где в при впадении в неё р. Шляховая и стояли половецкие вежи;

4) Захват кочевий, преследование половецких отрядов по направлению к западу и юго - западу в район современного пгт Сахновщина, возврат к основным силам с полоном, ночевка в степи по просьбе Святослава;

5) Обратное движение русского войска в пределы своих территорий постоянно сражающегося с половецкими отрядами в междуречье рек Орель и Орелька с попыткой прорыва к р.Донец, к его лесным массивам.

6) Подход основных сил половцев, остановивших русское войско в истоках рек Орель и Берека, русское войско остановлено и оттеснено половцами к югу, к истокам р.Орелька, где в районе современного с.Октябрьское Первомайского района и произошло окружение и полный разгром Игоревых дружин у озерного расширения р. Орелька.

Хронологически это может выглядеть следующим образом:

- 1) Выход Игоря из Новгородсеверска - 13 апреля;
- 2) Курск - 21 апреля;
- 3) Оскол - 23 апреля, ожидание Всеволода 2 дня
- 4) Переход через Донец в районе Змиева 1 мая, солнечное затмение;
- 5) Встреча со Всеволодом в ночь с 1 на 2 мая;
- 6) Подготовка к переходу к половецким вежам, ночной переход от Сальницы к Сюурлию в ночь со 2 на 3 мая;
- 7) Захват веж 3 мая, пятница, утро;
- 8) Ночевка русского войска в степи с 3 на 4 мая;
- 9) Отступление дружин Игоря с попыткой прорваться в пределы Руси весь день 4 и ночь с 4 на 5 мая;
- 10) Полное окружение и разгром русского войска - 5

мая 1185г.

Именно так нам представляются события похода Игоря весной 1185г. Интересно в этом случае было бы узнать мнение специалистов в области истории, исторической географии, этимологии, специалистов в области древнерусского и индийского языков. Не менее интересно провести предполагаемых нами районах сражений дружин Игоря с половцами археологические исследования с целью обнаружения захоронений погибших воинов и обнаружения следов битв.

А.П.Трошук, краевед. 29. 06. 07 г.
г.Харьков